

Сун Сяошу пригласил его в роскошное заведение. Интерьер дышал сдержанным благородством и тонким вкусом, где-то в глубине зала мягко рокотал рояль, хотя ресторан не был европейским. Это оказалась частная сифуд-кухня — весьма известное и престижное в их краях место.

Заказали острую рыбу с квашеной капустой. Хотя их город и считался южным, географически он лежал не так уж глубоко на юге — у самого восточного побережья, настоящий край каналов и мостов. Е Мянй вырос на морепродуктах, и рыба, креветки да крабы ему, казалось, никогда не наскучат. Если бы его спросили о любимом блюде, рыба во всех видах — от тушеной в соевом соусе до острой сычуаньской — безоговорочно заняла бы первое место. Следом шли ракообразные.

После сытного обеда они добрались до ближайшего ларька, купили по пачке сигарет и устроились прямо на ступенях у входа. Контраст разил наповал: только что они сидели в стерильном шикарном зале, а теперь под ногами валялась сплеванная шелуха бетеля, окурки и пустые упаковки от чипсов.

На асфальте багровели грязные следы — широкие, узкие, грузные и едва заметные отпечатки местной глины. От этого зрелища на Е Мянй накатила легкая тоска. Он сунул руку в карман, нащупав зажигалку и потертый бумажник. В этот бумажник он за день заглядывал столько раз, что тошно становилось: внутри либо гулял ветер, либо сиротливо шуршали жалкие гроши. Зато дисконтных карт скопилось прилично — скидочные, накопительные, бонусные... Впрочем, сейчас было не время предаваться унынию. Самое главное сейчас — раздобыть денег.

Они сидели на корточках, лениво пуская дым, и со стороны мало чем отличались от типичной уличной шпаны. Спасало только то, что на Е Мянй была школьная форма. Без неё его запросто приняли бы либо за коллектора, караулящего должника, либо за бездомного бродягу. Ни та, ни другая роль Е Мянй не прельщала — он-то был уверен, что выглядит безупречно. И если прохожие задерживали на нем взгляд, то исключительно из-за его выдающейся красоты.

Под палящими лучами солнца они быстро взмокли. Е Мянй поднялся, отряхнул брюки и, стянув куртку от формы, небрежно повязал её вокруг талии. Хлопнув Сун Сяошу по плечу, он спросил:

— Который час?

Сун Сяошу глянул на экран телефона:

— Полпервого.

Полпервого — самое время.

— Я сметаюсь домой ненадолго. Жди меня здесь.

Е Мянью покосился на темный экран своего телефона. Смартфон разрядился, и он со злостью сжал бесполезный кусок пластика в ладони. Глядя на его помрачневшее лицо, Сун Сяошу замер: казалось, Брат Мянью сейчас взорвется и швырнет мобильник об асфальт.

Сун Сяошу торопливо поднялся и принялся шарить в рюкзаке. Пауэрбанка там не оказалось — видимо, оставил в классе.

— Брат Мянью, погоди! Я сейчас мигом в школу сбегаю за зарядником, тут ведь близко.

— Не надо, — отмахнулся Е Мянью. — Мне нужно забрать кучу вещей. Ты-то сам во второй половине дня учиться собираешься?

Сун Сяошу вытаращился на него так, словно слышал лучшую шутку в своей жизни. Ткнув себя пальцем в грудь, он хмыкнул:

— Я? На уроки? Да сдались они мне! В моей шараге главное — отметиться с утра, а за меня это и так делают.

— Раз так, жди здесь.

Местная профессионально-техническая школа славилась полным отсутствием дисциплины. Дирекции было плевать, учителя не вмешивались, а у студентов и в мыслях не водилось браться за ум. Полная свобода и анархия, куда более расслабленная, чем в любом университете.

Пройдя пару шагов, Е Мянью развязал куртку и натянул её обратно. Если дома кто-то окажется, школьная форма послужит отличным алиби: всегда можно соврать, будто прибежал за забытой тетрадкой. Меньше поводов для скандала. Его матери только дай зацепку — она из любой мелочи раздует пожар и смешает его с грязью с ног до головы.

«Ничтожество», «бестолочь», «опять прогуливаешь», «даже он лучше тебя» — от этих вечных нотаций уже уши вяли.

Впрочем, он явно недооценил страсть своей родительницы к маджонгу. Дома, конечно же, никого не оказалось. Чтобы она провела в родных стенах три дня подряд — скорее солнце зайдет на севере.

В тихом дворе не раздавалось ни звука. Беспрепятственно пробравшись в дом, Е Мянью перенес в свою спальню несколько ухоженных комнатных растений. Затем отыскал корзины, электронные весы, ножницы, лукошки и охапку разноцветных пластиковых пакетов, скопившихся после походов за покупками. Собрав все это богатство, он принялся перетаскивать его к выходу.

За дверью его комнаты стоял скейтборд. Рядом на полу громоздились доски, заготовки и баллончики с краской для граффити. У книжного шкафа, около кровати, перед платяным шкафом — повсюду были расставлены скейты. В этой тесной комнатухе не водилось ни фигурок, ни постеров, ни дорогих игрушек — только груды деревянных поделок. Больше всего было досок, которые он мастерил от скуки или со специальным умыслом. Своим шедевром он считал именно тот скейтборд, что прятался за дверью. В него он вложил больше всего сил и времени. Прихватив доску, он вышел во двор. велосипеда у него не было, так что скейт оставался его единственным самодельным средством передвижения.

Сун Сяошу маялся от скуки на перекрестке. Спрятавшись в тени раскидистого дерева, он уткнулся в телефон, пытаясь пройти очередной уровень в «Bingo Blast». На уровнях с ведьмой он стабильно терпел фиаско. Парень зависал над каждым ходом, дожидаясь подсказок от игры, но за это время коварная ведьма успевала заблокировать половину поля своими чарами.

Шансов на победу почти не было, а если и везло, то максимум на одну звезду вместо трех. Ему хотелось запустить что-то более драйвовое и соревновательное, но, трезво оценив свои успехи в простейших головоломках, он решил не позориться. Игра была предустановлена на телефоне, вот он её и не удалял.

Кое-как перебившись на одну звезду, он вдруг услышал залихватский свист.

«Что за мудила там насвистывает? — подумал он. — Неужто из переулка вырулила какая-то сочная краля?»

В наши дни свистеть вслед девчонкам, чтобы привлечь внимание — это даже более убого, чем подкатывать с дурацкими вопросами ради контактов в соцсетях. Сгорая от любопытства, Сун Сяошу прищурился и поднял голову.

И обомлел. Навстречу ему, подставив лицо палящему солнцу и встречному ветру, катил Брат Мянъ. Свистел именно он, причем адресатом этого призыва был... сам Сун Сяошу.

Е Мянъ, все в той же школьной куртке, усердно крутил педали старой синей трехколесной колымаги. Судя по натужному скрипу, трехколесный велосипед знал лучшие времена и ехать быстро категорически отказывался.

Сун Сяошу опешил. Сорвавшись с места, он подбежал к нему и заорал:

— Охренеть! Брат Мянъ, ты чего творишь?!

Е Мянъ затормозил прямо перед ним.

— Едем собирать фрукты. Продадим их и поднимем бабла. Ты со мной.

Сун Сяошу захлопал глазами, не веря своим ушам:

— Чего?

Он заглянул в кузов тележки, заваленный всяким хламом, и окончательно запутался. В голове крутилось только одно слово: «фрукты».

— Меньше вопросов, шевели поршнями, — отрезал Е Мянью. Объяснять что-то подробно ему не хотелось. Приедут — сам все увидит.

— Брат Мянью, мне эту шайтан-арбу крутить? — Сун Сяошу покосился на скейтборд в кузове. Видимо, Е Мянью планировал пересесть на доску, а его запрячь в трехколесник.

— Сам поеду, — обломал его Е Мянью. — А ты беги следом. Размяться полезно.

С этими словами он налег на педали. Сун Сяошу тоскливо посмотрел на раскаленный диск солнца. Самое пекло же! И по такой жаре ему приказывают бежать кросс?

Но Е Мянью уже прилично отделился. Делать нечего, пришлось припустить следом, вопя на ходу:

— Брат Мянью, эй! Подожди меня!

Вскоре они свернули на узкую грунтовку. Проехав часть пути, Е Мянью сжалился, спрыгнул с трехколесника, уступил руль Сун Сяошу, а сам встал на скейт.

Оказалось, Брат Мянью не шутил. Они приехали к склонам холмов, где Сун Сяошу насчитал как минимум три вида плодовых деревьев. Парень занервничал. Да, он плохо учился, дрался, дымил как паровоз и зависал в интернет-кафе, но до воровства никогда не опускался. Если, конечно, не считать того случая в детстве, когда он стащил у матери полтинник на игровые автоматы. В остальном же он считал себя вполне честным малым.

— Брат Мянью, как-то это не по-людски, а? — забормотал он, косясь на сосредоточенного друга.
— Вдруг хозяева увидят? Выпустят волкодавов или с мотыгами на нас попрут.

Заметив, что Е Мянью помрачнел, Сун Сяошу поспешно добавил:

— Нет, я не против дела! Просто, может, выберем время получше? Ночью, например. Под покровом темноты сподручнее воровать, а среди бела дня — это же чистой воды наглость. И вообще, если за нами погонится какая-нибудь деревенская тетка и положит на меня глаз, мне что делать? Бежать, спасая свою невинность, или остаться, чтобы прикрыть твою?

Е Мянъ лишь молча закатил глаза.

— Слушай, завязывал бы ты с тупыми мелодрамами, — вздохнул Е Мянъ. — Тебе че, игр мало? Учеба не штырит? Адреналина в жизни не хватает?

Он указал рукой на вершину холма:

— И это не воровство. Мы идем собирать урожай. В начальной школе русский язык не учил? Воруют чужое, а собирают свое.

Он достал из кузова инструменты и всучил Сун Сяошу садовые ножницы.

Перед ними раскинулся сад. Ветви гнулись под тяжестью спелых, налитых соком ягод — вишня и черешня горели на солнце рубиновым пламенем. У Сун Сяошу невольно потекли слюнки, но сорвать ягодку он не решался, боясь схлопотать от Брата Мянъ.

Е Мянъ утер со лба крупный град пота.

— Давай так: ты обираешь вишневые деревья, а я займусь персиками и мушмулой. Надо управиться побыстрее, чтобы успеть на рынок. В такую жару фрукты разлетятся на ура.

Чем скорее они закончат, тем меньше придется жариться на этом пекле. С продажей как повезет. Если подвернутся владельцы лавок, могут забрать всё оптом. Если нет — придется встать у дороги и зазывать прохожих. А поскольку кричать на всю улицу Е Мянъ не умел, торговля обещала быть тугой.

— Я на тот склон, — бросил он.

На этих холмах буйствовало фруктовое изобилие: ветки ломились от персиков и золотистой мушмулы.

— Брат Мянъ, мы че, всё планируем ободрать?

Прищурившись от слепящего солнца, Е Мянъ качнул головой:

— Сколько успеем, столько и соберем.

Вдвоем им за пару часов весь сад не осилить. Оставив Сун Сяошу одну корзину, Е Мянью подхватил две другие и ушел на соседний склон.

Там деревья были усыпаны нежно-розовыми персиками и янтарной мушмулой. Избегая чужих глаз, Е Мянью достал из кармана тонкие белые перчатки и натянул их на руки. На персиковых деревьях вечно кишмя кишели гусеницы, от одного вида которых его выворачивало наизнанку. Он не то чтобы их боялся — просто брезговал всякой ползучей склизкой тварью.

Е Мянью работал споро. К тому моменту, когда он притащил две полные корзины обратно, Сун Сяошу не набрал и половины — мелкие ягоды заполняли тару неохотно. Лицо парня полыхало от жары, а спина его футболки насквозь потемнела от пота.

Е Мянью протянул ему гроздь крупной спелой вишни:

— Держи. Освежись малясь, а остальное я сам доберу.

Сун Сяошу принял ягоды обеими ладонями, растроганный до глубины души:

— Спасибо, Брат Мянью!

Молча кивнув, Е Мянью принялся споро обрывать ветки черешни — нужно было заполнить корзину до краев. Такой объем нежной ягоды мог принести неплохие деньги. Правда, корзины у них были скромного размера; будь у них приличный короб, выручка легко перевалила бы за тысячу юаней.

Сун Сяошу умял ягоды в два счета, утолив жажду сладким соком, и снова взялся за секатор. Под ногами там и тут краснела падалица. Поначалу, не приноровившись, он слишком сильно дергал ветки, отчего спелые плоды дождем сыпались в траву, где он их благополучно давил кедами. Месиво выходило знатное. Решив, что пальцами дело пойдет быстрее, он попытался рвать вручную, но быстро понял, насколько заблуждался, и покорно вернулся к ножницам.

Брат Мянью выглядел мрачнее тучи. Впрочем, он и в обычные дни не отличался радушием — всегда ходил с каменным, холодным лицом. А уж когда улыбался, становилось совсем жутко: в его улыбке всегда сквозила скрытая угроза, от которой мороз шел по коже. Сун Сяошу задержался, решив, что друг злится из-за помятых ягод. Он поспешно присел и принялся бережно собирать уцелевшие плоды с земли, стараясь не раздавить их пальцами.

— Время сколько? — спросил Е Мянью, когда совместными усилиями корзина наполнилась сочными рубиновыми ягодами.

Сун Сяошу выудил мобильник:

— Ровно два.

Убрав телефон, он тут же сделал несколько кадров полного короба — то под деревом, то прямо на фоне густых зеленых ветвей.

Управились они на удивление быстро. Правда, взмокли так, будто их только что вытащили из реки. По лицу ручьями стекал пот, дико хотелось прыгнуть в прохладную воду — благо речка была неподалеку, но приходилось только мечтать.

Они двинулись в обратный путь. Е Мянъ рассудил, что крутить педали груженого трехколесника теперь удел Сун Сяошу. Нахлобучив на лоб бейсболку, он лихо покатил впереди на скейте, отталкиваясь одной ногой от асфальта, а сзади, усердно пытая, на трехколесной колымаге за ним попевал Сун Сяошу.

Они облюбовали тенистый пятачок под козырьком какого-то здания рядом с местным рынком — пожалуй, самой оживленной точкой городка. Е Мянъ подобрал неподалеку выброшенные картонные коробки, разорвал их на ровные пласты и разложил на тележке, высыпав на импровизированные прилавки по кучке каждого фрукта.

Толстым черным маркером он вывел на картонке ценники:

Вишня — 80 юаней за полкило

Мушмула — 15 юаней за полкило

Персики — 8 юаней за полкило

Продев сквозь картонку бечевку, Е Мянъ повесил прейскурант на руль. Цены он заранее подсмотрел в интернете, но у Сун Сяошу от таких цифр глаза на лоб полезли.

— Брат Мянъ, а у нас разброс цен не слишком крутой? — робко спросил он. Между восемью и восемьюдесятью юанями — десятикратная разница.

Е Мянъ смерил его снисходительным взглядом:

— Надо же, умные слова знаешь — «разброс цен». Естественно, разные сорта стоят по-разному. Слушай сюда: если начнут торговаться, вишню отдаешь максимум за семьдесят, ниже ни в какую. Мушмулу скидывай до тринадцати, персики — до шести.

У него все было просчитано.

Сам Сун Сяошу фрукты отродясь не покупал — мать всегда приносила готовое, а он просто таскал из вазы. Но, пораскинув мозгами, парень решил, что при таком раскладе обычный покупатель выберет то, что подешевле. Разница слишком велика. Если уж у кого-то не горит дикое желание полакомиться вишней, проще взять персиков. Покупать дорогую ягоду никто не станет.

— Кстати, фрукты можешь лопать без спроса, сколько влезет, — добавил Е Мянью.

С этими словами он подцепил ногтем кожицу спелой мушмулы и отправил ее в рот.

Сун Сяошу опешил, но кивнул:

— Понял!

Хотя про себя подумал: «Ну и коммерсант...»

Должно быть, парни уплетали фрукты с таким аппетитом, что прохожие начали обращать на них внимание. Вскоре у тележки притормозила первая покупательница:

— Ребята, почем вишня?

Ягода действительно выглядела потрясающе — крупная, глянцевая, так и просилась в рот в этот душный день.

— Восемьдесят за полкило, — ответил Е Мянью, указав на картонку на руле. — Тут всё написано.

Женщина отшатнулась. Грабеж среди бела дня! Сразу видно — господское лакомство, простому человеку не по карману.

— А попробовать можно?

— Угощайтесь.

Женщина закинула ягоду в рот. Черешня оказалась невероятно сладкой, сочной, но когда Е Мянью уже решил, что сделка в кармане, покупательница вздохнула:

— Ладно, взвесьте-ка мне лучше полкило персиков. Скинете немного?

Е Мянью уже открыл рот, чтобы согласиться на семь юаней, но тут влез Сун Сяошу:

— Договорились! Но берите полтора килограмма за двадцать юаней.

Женщина прикинула выгоду в уме, кивнула, и первая сделка состоялась.

Пока покупательница выбирала персики, её так и подмывало поболтать. Ей было любопытно абсолютно всё: почему двое школьников в понедельник не на уроках, зачем они торгуют, где их родители, сколько им лет и в каком классе учатся. И главное — с каких пор в Первой средней школе Биньяна так сквозь пальцы смотрят на прогулы? У них что, каникулы начались?

Однако все эти вопросы так и остались невысказанными — стоило ей наткнуться на ледяной, безучастный взор Е Мянэ.

«Ишь какие нынче подростки пошли — пальцы веером, — ворчала она про себя. — Не будь он таким смазливый, высказала бы ему всё, что думаю».

Уж больно высокомерный вид был у парня.

Второй клиенткой оказалась местная сплетница-старушка, которая подошла чисто из любопытства — поглазеть, чем заняты двое симпатичных парней. И надо же, в итоге тоже ушла с пакетом персиков. Да уж, перед смазливym лицом девичье сердце трепещет в любом возрасте.

За полтора часа торговли они распродали почти всю мушмулу и персики. А вот к вишне никто так и не притронулся. Прохожие заглядывались на яркие ягоды, приценивались, но, услышав «восемьдесят за полкило», тут же кривились и уходили. Даже скидка до семидесяти не спасала положения.

Сун Сяошу несмело подал голос:

— Брат Мянэ, коммерсант из тебя, честно говоря, так себе. Может, скинем цену до...

— Заткнись, — оборвал его Е Мянэ.

<http://bllate.org/book/18333/1768138>